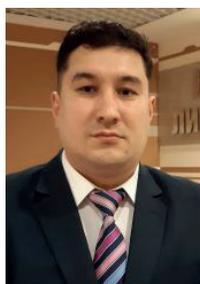

Религиоведение. 2023. № 2. С. 38–46.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 38–46.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_38

Хохлов А.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55
kazan_molodezh@mail.ru*

Ложное доносительство в повседневности православного приходского духовенства в пореформенный период (по материалам Государственного архива Республики Татарстан)

Аннотация. Статья посвящена анализу явления ложного доносительства в повседневной жизни православного приходского духовенства Казанской епархии второй половины XIX – начала XX вв. Указанной проблеме на сегодняшний

день не посвящено, пожалуй, ни одного специального научного исследования. Не будет преувеличением констатация того факта, что в силу определённых идеологических предпосылок и исторической инерции данная тема, как часть более широкого проблемного поля, касающегося поведенческих девиаций клира, продолжает оставаться terra incognita для широкого круга исследователей и неспециалистов. Между тем, региональные архивные фонды дают массу материала, свидетельствующего в пользу того, что доносительство в целом и ложное доносительство в частности было не просто общеизвестным явлением, неотъемлемой частью повседневного быта служителей Русской церкви на пике Синодальной эпохи, но и одним из важных элементов коммуникации между епархиальной властью, низовым причтом и широким кругом обывателей различного сословного происхождения. Новые сведения приоткрывают завесу над сложной и неоднозначной картиной бытования рассматриваемой практики. Заполнение историографических лакун в этой части, безусловно, способствует как формированию более объективной, цельной и точной картины истории Православной церкви пореформенного периода, лишённой «темных пятен», так и ценностной эволюции наших современников. Результаты обозначенных усилий позволят по-новому взглянуть на текущие события и выработать механизмы преодоления отрицательного опыта отечественного культурного наследия.

Ключевые слова: донос, доносительство, ложное доносительство, церковь, право, культурная практика, духовенство, повседневность, приход

Alexander A. Khokhlov

*Kazan (Volga Region) Federal University
1/55 Pushkin str., Kazan, 420008, Russia
kazan_molodezh@mail.ru*

False Reporting in the Daily Life of the Orthodox Parish Clergy in the Post-Reform Period (Based on the Materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan)

Abstract. The article analyzes false denunciation in the daily life of the Orthodox parish clergy of the Kazan diocese of the second half of the 19th – early 20th centuries. To date, perhaps, there were no special research dealing with this problem. It would not be an exaggeration to state the fact that, due to certain ideological prerequisites and historical inertia, this topic, as part of a broader problem field concerning behavioral deviations of the clergy, continues to be a topic incognita for a wide range of researchers and non-specialists. Meanwhile, regional archival funds provide a lot of material that testifies in favor of the fact that whistleblowing in general, and false whistleblowing in particular, was not just a well-known phenomenon and an integral part of the daily life of the servants of the Russian Church at the peak of the Synodal era, but also one of the important elements of communication between the diocesan authorities, the grassroots clergy and a wide range of ordinary people of various class origins. New information opens the veil over the complex and ambiguous picture of the existence of the practice in question. Filling in the historiographical gaps in this part, of course, contributes both to the formation of a more objective, integral and accurate picture of the history of the Orthodox Church of the post-reform period, devoid of “dark spots”, and the value evolution of our contemporaries. The results of the efforts will allow us to take a fresh look at current events and develop mechanisms to overcome the negative part of the experience of the national cultural heritage.

Key words: denunciation, false denunciation, church, law, cultural practice, clergy, everyday life, parish

Общие контуры проблемы

Доносительство в среде православного духовенства в рассматриваемый период с уверенностью можно считать явлением распространённым и вполне обычным. Отчасти это обуславливалось тем, что приходской клир, при той степени интегрированности в крестьянскую среду, которая была для него характерна, попросту не мог оставаться вне народной среды, не испытывать на себе её системного социально-психологического влияния. Поэтому наличие в церкви столь неоднозначной практики вполне закономерно и красноречиво свидетельствует о ключевых культурных установках российского общества конкретного времени. Впрочем, В.А. Коршунков фиксирует общую тенденцию уклонения современных церковных и светских исследователей от рассмотрения данного вопроса [Коршунков, 2018, 66–67]. В этом сложно не усмотреть влияние идеологической конъюнктуры, неизбежно обедняющей историческое знание и чреватой массой иных побочных эффектов. Между тем, ещё П.К. Щебальский выделял склонность к доносительству как отличительную черту народных нравов: «страсть или привычка к доносам есть одна из самых выдающихся сторон характера наших предков» [Щебальский, 1861, 438]. Изучая документы отечественного судопроизводства, историк с сожалением констатировал: «Следственные дела, которые передо мною, дают крайне печальное понятие о нравственных началах старинной Руси; доносы делались с такою лёгкостью, с такою, так сказать, развязностью, по таким, большей частью, маловажным побуждениям, что не знаешь, чему более удивляться, моральной или физической бесчувственности наших предков» [Щебальский, 1861, 444]. Те немногие современные исследователи, которые когда-либо приступали к данной теме, придерживаются схожей точки зрения, отмечая, в частности, что «заявления на собутыльников во время пьяных ссор и драк» исстари считались у нас чуть ли не излюбленным средством остротки потенциальных или реальных недругов [Игнатов, 2014].

Категоричность обозначенных суждений вполне можно было бы списать на тенденциозность авторов, если бы они не находили массовое подтверждение в архивных документах. «Печальное явление со священником села Малой Шатьмы Андреем Клонским, подвергшимся запрещению священнослужения по доносу до него полиции, объясняется неуместным его общением с чином полиции при совместном употреблении ими вина», – в смущении докладывал в духовную консисторию один из благочинных Казанской епархии [ГАРГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 396]. Да и в правовых памятниках Российского государства фактура явления столь обильна, что, увы, не подлежит опровержению.

До судебной реформы 1864 г. в рамках уголовного процесса заслушивание доноса, если таковой поступал, было обязательным. В связи с реформой, его важность снижается, но по-прежнему остаётся значительной [Нерар, 2011, 28]. Хотя доносчики и не приводились к присяге, однако в вопросах должностных злоупотреблений в системе государственного управления (а также по ряду других обстоятельств), «добросовестным» доносчикам полагалось денежное вознаграждение [Устав, 1907, 151]. Исходя из этого, именно государственная важность сведений, поставлявшихся через доносы, предопределяла правовое значение последних, наделяя их и особым моральным статусом. Тем не менее, во второй половине XIX – начале XX в. под влиянием либеральных веяний российское право постепенно эволюционировало. В пореформенное время анонимные доносы в рамках уголовного судопроизводства к рассмотрению уже не принимались, а за ложные сведения и клевету наказание существенно ужесточалось [Устав, 1907, 41; Устав, 1864, 24].

Православная церковь, находившаяся в имперский период под юрисдикцией как государственного, так и церковно-канонического законодательства, со временем всё более отклонялась от светских правовых тенденций. Поэтому доносительство здесь долго сохраняло твёрдую основу, с трудом подвергавшуюся воздействию перемен. Между тем Е.В. Анисимов, анализируя судебные источники XVIII в., отмечает, что уже с момента провозглашения России империей священнослужители и монашествующие становятся такими же субъектами доносительства, как и прочие социальные категории населения [Анисимов, 2004]. Подчёркивая идеологический статус и задачи русского духовенства, историк рисует сложную, с

морально-этической и правовой точек зрения, картину положения священника, втягивавшегося государством в процесс разбора доносов и оговоров, принятия показаний преступников и участие в «извлечении» подлинных сведений при допросах [Анисимов, 2004, 166–167]. Это соответствовало предначертанной петровским указом от 17 мая 1722 г. фундаментальной идеологической линии по вменению православному клиру охранительной (полицейской) функции, допускавшей в государстве, в котором имя Божье благоговейно поминалось едва ли не чаще прочих имён, нарушение тайны исповеди. «Но необходимо подчеркнуть, – замечает М.А. Бабкин, – что это касалось лишь тех случаев, если исповедующиеся не раскаивались в своих замыслах и не собирались от них отказываться <...>. Тем священнослужителям, кто не будет исполнять данный указ, как “государственных вредов прикрывателям”, угрожали лишением сана, имущества и даже жизни» [Бабкин, 2021, 41]. Навязанная церкви извне утилитарная практика постепенно вплеталась в ткань профессиональных характеристик её служителей, соответствие которым демонстрировало, в том числе, и собственную лояльность духовенства перед лицом грозной монархии.

Консервацию архаичных порядков в церкви, таким образом, можно было бы легко списать на внешний фактор, не оставлявший иного выбора, как только между жизнью и смертью. Однако в эту стройную схему не укладывается тот факт, что именно церковное законодательство (прежде всего, применительно к вопросам сугубо внутреннего плана) в аспекте доносительства никак не эволюционировало вплоть до 1917 г. Так, Устав духовных консисторий в редакциях и 1841, и 1883 гг. идентифицировал оговоры как важнейшую составляющую дознания и следствия [Устав 1841, 1883, 3 об.; Устав 1883, 1883, 62]. Причём обязанность доказательств невиновности возлагалась на самого оговариваемого [Устав 1841, 1883, 13; Устав, 1883, 61]. Заметим, что оговоры, как юридическая категория, отнюдь не составляли процессуальную альтернативу доносу (в строго юридическом смысле оговор ограничивался рамками следствия), а представляли собой лишь один из элементов доносительства. При этом вопрос наказания доносчиков в церковном праве отражения и вовсе не нашёл, а попыток устранения этого пробела в истории церкви позднейшего периода мы не находим. Собственно, отсюда становится понятным, почему архиереи и консистории в массе не пренебрегали сомнительной практикой «центростремительного» доносительства – законодательные барьеры и правовые ограничения попросту отсутствовали, в то время как влияние консервативных культурно-исторических установок было всеобъемлющим. Так, к примеру, произошло в резонансном деле известного поволжского аскета схиархимандрита Гавриила (Зырянова) и его ученика (ныне прославленного РПЦ в лике святых Тихона (Бузова) (1908), когда казанский архиепископ Никанор (Каменский) дал старт дознанию, а затем и следствию, базируясь на паре доносов с фиктивным авторством [Хохлов, 2020, 203]. Характерные подходы епархиальной власти просматриваются и в пространном перечне других дел, отложившихся в фондах Казанской духовной консистории. Очевидно, что при таких подходах административный субъективизм и предвзятость становились практически неустраняемыми, открывая тем самым широкую дорогу различным злоупотреблениям.

Приходская действительность

Ложные доносы, содержащие извращённые, а то и вовсе клеветнические сведения (письменные или устные), вообще следует считать наиболее распространённым видом доносительства в приходской жизни епархии. Их инициаторами могли быть как лица духовного звания, так и представители иных сословий, соприкасавшихся с повседневной жизнью приходов. Мотив таких поступков далеко не всегда очевиден и в большинстве случаев может быть отнесён к сфере сугубо иррациональной, интерпретирован как оптимальное средство экономии на усилиях по конвенциональному нивелированию неизбежно возникавших в процессе жизнедеятельности конфликтов. В 1899 г. благочинный Мамадышского уезда Казанской губернии информировал консисторию о бросающейся в глаза склонности своих пасомых по любому незначительному поводу донимать епархиальное начальство преждевременными доносами [ГАРТ Ф. 4. Оп. 131. Д. 23. Л. 207–219]. Последнее, со своей стороны, не пресекало эти попытки, но воспринимало их как должное, внимательно

отслеживая, откуда, от кого и на кого поступало сообщение, и принимая на этом основании последующее (порой судьбоносное) решение. Самой уязвимой категорией при этом были церковнослужители (причётники) – чтецы и пономари, не обладавшие статусом, как священнослужители (пресвитеры и диаконы), и находившиеся в зависимости не только от епархиальной власти, благочинных и прихожан, но и непосредственно от своих настоятелей. В условиях острых приходских противоречий, усилившихся в пореформенное время в связи с социально-экономической и политической нестабильностью, правовыми и культурными трансформациями, именно причётники чаще других оставались проигравшей стороной, помимо своей воли выполняя роль своеобразного громоотвода.

Уместно обратиться к примерам. Дело причётника села Александровки Казанского уезда Адриана Новикова (1861). Биография этого некогда штатного священника, на первый взгляд, не внушала доверия: выговоры от консистории, попойки и, наконец, в 1854 г. запрещение в священнослужении с последующим низведением в причётники. Однако крестьяне окрестных селений отзывались о нём вполне положительно: вопиющих проступков не совершал, с сельчанами приветлив. Им вторила часть приходского причта: Новиков не равнодушен к спиртному по праздникам, но не до крайности и к обязанностям относится ответственно [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 10об.]. Следовало бы заметить, что отношение к алкоголю в крестьянской среде вообще было довольно толерантным, если не сказать большего. Так что единогласие прихожан и причта здесь вполне объяснимо.

Но, на неудачу, с доносом на причётника в Казань поспешил не рядовой крестьянин, а камер-юнкер императорского двора, статский советник и помещик того же села граф Алексей Евграфов-Комаровский. Со столь влиятельной персоной архиерей и консистория не считаться не могли. Граф, будто непосредственный свидетель, радеющий о «тихом и безмолвном житии» этнически многоликого Отечества, возмущённо писал: «...он немного не исправился: ибо и ныне нередко предаётся пьянству, которое служит немалым соблазном для приходских крестьян, в особенности для новокрещённых и старокрещённых из татар, которых в означенном приходе до 450 душ мужского пола. Доводя об этом до сведения Вашего Высокопреосвященства, вынужден вместе с тем покорнейше просить Вас, Милостивейший Архипастырь, сделать <...> распоряжение о перемещении означенного запрещённого священника Новикова в другой приход, где нет новокрещённых и временно-обязанных крестьян, и где неблагоповедение его могло менее причинять соблазна прихожанам» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 4-4об.].

Защищаясь, Новиков доказывал благочинному, что доносчик не мог знать в деталях его образа жизни, поскольку большей частью проживает в Санкт-Петербурге, а в Казанской губернии чаще бывает в Спасском уезде; уверял, что соседний помещик Гарталов, напротив, довольно хорошего о нём мнения, свидетельством чего служит ходатайство к архиерею о назначении Новикова на вакантный приход в одно из близлежащих сел. Доказательством неосведомлённости графа, по мнению Новикова, являлось незнание тем того общеизвестного на селе факта, что причётник уже несколько лет к ряду, как разрешён в священнослужении, и только за неимением места продолжает оставаться в числе низового клира [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 4-4об.]. Вопреки этому, консистория приняла положительное решение по доносу, в то время как настоятель церкви и непосредственный начальник Новикова священник Дмитрий Иванов не счёл нужным хотя бы для вида обозначить свою позицию.

Как ни странно, обвиняемый видел причину своих неприятностей именно в настоятеле. И оказался прав. Как впоследствии выяснилось, именно Иванов подтолкнул помещика к доносу, сообщив последнему о неблагоприятном «бэкграунде» своего сослуживца, намеренно омрачив картину. Мотив оказался прост: у священника имелся брат, по должности второй причётник той же церкви, конкурировавший с Новиковым. Наличие большого штата священно- и церковнослужителей даже на состоятельных приходах сужало их доходную базу, провоцируя должностные конфликты. Поэтому закономерно, что родственные связи в подобных случаях зачастую приобретали коалиционный и целенаправленный характер.

Впрочем, детали консисторского решения по делу Новикова не менее интересны. Причётник против смены места служения отнюдь не возражал. Однако просил церковную власть защитить его доброе имя и дать время подыскать другой приход: «Объяснив о сем Казанской духовной консистории, всепокорнейше прошу оную защитить меня от этой клеветы и, во избежание неудовольствия как со стороны помещика Г. Комаровского, так равно и причта села Александровки, переместить меня из этого прихода на другое место, когда я найду кого-либо из желающих поменяться со мной местами» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 24 об.]. Но ни той, ни другой просьбе пономаря консистория не вняла, спешно исключив Новикова из штата клира, строго вменив «приискивать причётническое место в таком приходе, где не будет соблазна новокрещённым и старокрещённым и строгий надзор благочинного» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 26об.].

Справедливости ради следует сказать, что далеко не все клирики прибегали к столь порицаемым средствам устранения конкурентов, плохо согласующимся с задачами христианского пастырства. Да и епархиальная власть не всегда и не во всех случаях следовала сословной конъюнктуре, уступая настойчивым просьбам статусных лиц. Реакция на донос напрямую зависела от характера и убеждений правящего архиерея, формально обязанного опираться на требования консисторского Устава. Так, в 1856 г. жандармский генерал Львов обратился к архиепископу Григорию (Постникову) по поводу причётника села Базякова Спасского уезда Семена Нечаева. Не утруждая себя в доказательствах и ссылаясь только на своего брата – главу вотчинной конторы – представитель государственного политического сыска сообщил, что Нечаев ведёт жизнь нетрезвую и «в развращённом виде бесчинствует над женщинами» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 3об.]. «С церковным старостой, человеком честным и всеми обывателями уважаемым, – сгушал краски генерал, – постоянно бранится и путает, что он может его услат в Сибирь и даже самого главного бурмистра этой вотчины разбил при всех в конторе за то, будто бы, что он не дозволил пускать в господское стадо овец» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 3об.]. В заключении – стандартная просьба: удалить причётника из села.

Как и в предыдущем случае, настоятель проявил демонстративную безучастность – опять же, по причине того, что за братьями Львовыми стоял он сам в союзе с приходским старостой. В силу каких-то причин Нечаев не вписывался в причт и методом решения вопроса был избран злонамеренный донос через благоволивших священнику влиятельных светских лиц. Небезынтересно, что повальный обыск с участием пятидесяти местных крестьян в целом не подтвердил обвинения в адрес Нечаева. Поэтому, к чести правящего архиерея, тот был оставлен на прежнем месте, однако, с дисциплинарным внушением, чтобы, «чувствуя монаршую милость, постарался заглядеть (вину) совершенно неукорительным благоповедением» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 14об.].

Закономерно, что такой исход не мог удовлетворить интересантов. На их счастье, в ноябре 1856 г. в Казани произошла смена епископа. Григория перевели на петербургскую кафедру, а вместо него был назначен иркутский архиепископ Афанасий (Соколов). Дело Нечаева скоро и, вероятно, не без участия всё тех же лиц, попало под пересмотр с дальнейшим устранением его из прихода. Для последнего, судя по документам, это стало ударом. В слёзном обращении несчастный печаловался, что семья его состоит из семи человек, все они нуждаются в содержании, старший сын обучается в семинарии, а учёба требует платы. «Не меньше меня убивает и то, что я в продолжении в этом селе Базякове десятилетней службы, никогда ни в чем непорочный, должен навек нести по приходам Священника незаслуженное пятно, опорочивающее мою и честь, и службу» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 17–17об.]. Но прошение было оставлено без удовлетворения.

Впрочем, в таких делах статусные персоны выступали лишь недобросовестными инструментами разрешения приходских конфликтов. Каковы же были их собственные мотивы, остаётся только догадываться. Вероятно, в ряде случаев просьба или совет священника воспринимались как заслуживающие внимания, поскольку кому, как не пастырю, знать все особенности жизни прихода и его проблемы. С другой стороны, свою роль сыграл фактор традиционно благоговейного и даже

сакрализованного отношения к духовному сану, которым были движимы православные обыватели вне зависимости от сословной принадлежности. Даже если священник не отличался духовными дарованиями и нравственным достоинством, почтительность и отзывчивость к нему являлись как бы сами собой разумеющимися [Громыко, 2001, 97]. Выражаясь словами Л. Леви-Брюля, здесь мистическая причинность превосходила саму очевидность [Леви-Брюль, 2002, 71].

Но и сан священника не гарантировал отсутствия проблем. Показателен случай акубаевского иерея Михаила Курганского (1858). Формально дело заключалось в небрежном ведении им метрических книг, умышленном невнесении в них ряда записей. Составление и учёт метрик были обязанностью священнослужителей, закреплённой в Полном Собрании законов Российской империи: «...внести <...> выписку о количестве рождённых младенцев, также о вступивших в супружество и умерших людях...» [Полное собрание, 1830, 504]. Приходские реестры содержали в себе записи актов гражданского состояния населения (рождение, брак, смерть) и имели государственное значение. Таким образом, требования к клиру в этой части были достаточно строгими. В свою очередь, должностные злоупотребления нередко проистекали из практики сторонних заработков причта, когда, к примеру, правомочность венчания, с законной точки зрения, носила сомнительный характер, но священник, тем не менее, рассчитывая на вознаграждение, совершал таинство. Такие случаи фигурируют в архивах не столь уж редко.

В рапорте архиепископу благочинный округа протоиерей Иаков Виноградов подробно перечислял упущения и проступки Курганского. Якобы на заказные требы священник никого из низшего причта не приглашал (вероятно, чтобы не делиться – А.Х.); «жена его – Татьяна Егорова – за каждой свадьбой занимает должность свахи и в нетрезвом виде делает разные неблагопристойные и укоризненные для священнической чести поступки» [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 6об.]. Виноградов признавался, что поставщиком этих сведений был заштатный диакон Иван Николаев, находившийся под присмотром на приходе Курганского. Диакон и сам благочестием не отличался: выпивал, год находился под епитимьей в монастыре и т.д. Сомнительный характер обвинений и ненадёжность информанта, тем не менее, не стали препятствием для проверки.

Прибывший на место благочинный подтвердил отсутствие записей в реестрах. Повальный обыск и разбирательство, однако, вскрыли куда более запутанную картину. Оказалось, что диакон Николаев в каждом из требных случаев сопровождал Курганского и, вопреки сообщённым им сведениям, получал часть дохода. Однако именно по собственной беспечности и лени злоупотреблял своевременным заполнением формуляров. Часть пробелов в документах и вовсе относилась ко времени предыдущего настоятеля. Выход из ситуации диакон нашёл в ложном доносе на своего священника [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 18]. Таким образом, именно личная неприязнь и стремление упрочить собственное положение стали стимулом дискредитации вполне благонаправленного пастыря.

К чести прихожан, они встали на сторону семейства священника, опровергнув выдвинутые в его адрес обвинения [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 23об.]. Судя по всему, бездетная чета Курганских пользовалась в селе уважением, так что сельчане обращались за «мирским» благословением не только к настоятелю церкви, но и к его жене. Этого епархиальному следователю было достаточно. Курганский, как невиновный, был освобождён от суда. Однако, что довольно симптоматично, Николаев за клевету наказания не понёс.

Показателен и случай казанского кафедрального(!) священника Петра Аретинского, в котором фигурирует уже анонимный донос. Неустановленным лицом епархиальному начальству было сообщено, что Аретинский на похоронах архиепископа Владимира (Ужинского), состоявшихся в Свияжске в декабре 1855 г., присутствовал в пьяном виде [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5271. Л. 2]. Несмотря на анонимность обличения, отсутствие доказательств и давний характер события (со дня похорон прошло более полутора лет), а также то, что сам статусный священник уверенно воспринял донос как чью-то «чёрную клевету», дознанию был дан старт. Опрос присутствовавших на похоронах положительных результатов не принёс. Всё, что

удалось подтвердить, – лихорадочное состояние Аретинского, которое легко объяснялось обычной простудой [ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5271. Л. 10]. На этом основании последний был предоставлен «суду Божию и своей совести», а имена доносчиков так и остались неизвестными.

Заключение

Таким образом, анализ проблемы демонстрирует две особенности церковного быта рассматриваемого периода. Во-первых, это специфика взаимоотношений внутри приходского причта, методы решения возникающих проблем его членами и их ценностные установки. Далеко не всегда нормы христианского благочестия принимались как безусловное руководство к действию самими пастырями церкви. Профессиональная конкуренция или личная неприязнь могли обернуться изветом и клеветой на сослуживцев с самым невероятным набором грехов и проступков. Во-вторых, это правовая уязвимость и маргинальное положение клира, нередко оказывавшегося зажатым между различными центрами силы, в то время как епархиальная власть далеко не всегда проявляла готовность встать на защиту своих подчинённых, следуя принципам объективности и сословного протекционизма. Решение могло зависеть от целого ряда факторов: социального статуса заявителей и обвиняемого, личности правящего архиерея и т.д. Принадлежность к низовой, наименее защищённой и почётной категории клира, в таких случаях играла на руку недоброжелателям. Церковные же власти широко использовали доноительство как возможность «держать руку на пульсе» в вопросах епархиального администрирования, тем самым не способствуя эволюции церковного законодательства и культурных практик в среде многочисленного приходского клира.

Список сокращений

ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан

Библиографический список

1. Анисимов, Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века / Е.В. Анисимов. – СПб.: Норинт, 2004. – 461 с.
2. Бабкин, М.А. Священство и Царство. Россия, начало XX века – 1918 год / М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2021. – 976 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 396.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 131. Д. 23. Л. 207-219.
5. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 10 об.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 4–4 об.
7. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 24 об.
8. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 26 об.
9. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 3 об.
10. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 14 об.
11. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 17–17 об.
12. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 6 об.
13. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). ГАРТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 18.
14. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 23 об.
15. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5271. Л. 2.
16. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5271. Л. 10.
17. Громыко, М.М. Отношение к храму и священнику / М.М. Громыко // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. С. 88–103.
18. Игнатов, В.Д. Доносчики в истории России и СССР [Электронный ресурс] / В.Д. Игнатов. – URL: <https://coollib.com/b/284416/read> (дата обращения 31.10.2021).
19. Коршунков, В.А. Преступления и наказания дьячка Замятина: как в XIX в. руководство Вятской епархии перевоспитывало своих подначальных / В.А. Коршунков // Документ. Архив. История. Современность. – 2018. – № 18. – С. 65–83.
20. Леви-Брюль, Л. Первобытный менталитет / Л. Леви-Брюль. – СПб.: «Европейский Дом», 2002. – 400 с.
21. Нерар, Ф.К. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР. 1928–1941 / Ф.К. Нерар. – М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с.

22. Полное Собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 534 с.
23. Устав уголовного судопроизводства, 1864 г. – СПб.: Издание Юридического книжного магазина, 1907. – 164 с.
24. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. – СПб.: Юридическая тип., 1864. – 33 с.
25. Устав духовных консисторий, 1841 г. // Церковный вестник, 1883. – № 14. – Л. 3–24 об.
26. Устав духовных консисторий, 1883 г. – СПб.: Синодальная тип., 1883. – 200 с.
27. Хохлов, А.А. Дело наместника Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова). Очерк антропологии церковной морали в свете событий 1908 года / А.А. Хохлов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. – 203 с.
28. Щебальский, П.К. Черты из народной жизни в XVIII веке / П.К. Щебальский // Отечественные записки. – 1861. – Т. СXXXVIII. – С. 438–450.

Текст поступил в редакцию 17.01.2023.

Принят к печати 27.03.2023.

Опубликован 29.06.2023.

References

1. Anisimov E.V. *Russkaya pytka. Politicheskij sysk v Rossii XVIII veka* [Russian torture. Political investigation in Russia of the 18th century]. St. Petersburg: Norint, 2004, 461 p. (In Russian).
2. Babkin M.A. *Svyashchestvo i Carstvo. Rossiya, nachalo XX veka – 1918 god* [Holiness and the Kingdom. Russia, the beginning of the 20th century – 1918]. M.: Indrik, 2021, 976 p. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 119972. Fol. 396 (in Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund. 4. Inventory 131. File 23. Fols. 207–219 (in Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File. 5725. Fol. 10 back. (in Russian).
6. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5725. Fols. 4–4 back. (in Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5725. Fol. 24 back. (in Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5725. Fol. 26 back. (in Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 88. File 4. Fol. 3 back. (in Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 88. File 4. Fol. 14 back. (in Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 88. File 4. Fols. 17–17 back. (in Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5417. Fol. 6 back. (in Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5417. Fol. 18 (in Russian).
14. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5417. Fol. 23 back. (in Russian).
15. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5271. Fol. 2 (in Russian).
16. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fund 4. Inventory 1. File 5271. Fol. 2 (in Russian).
17. Gromyko M.M. *Otnoshenie k hramu i svyashchenniku* [Attitude to the temple and the priest]. M.: Nauka, 2001. pp. 88–103 (in Russian).
18. *Ignatov V.D. Donoschiki v istorii Rossii i SSSR* [Informers in the history of Russia and the USSR]. Available at: <https://coollib.com/b/284416/read> (accessed on October 31, 2021) (in Russian).
19. Korshunkov V.A. *Prestupleniya i nakazaniya d'yachka Zamyatina: kak v XIX v. rukovodstvo Vyatskoj eparhii perevospityvalo svoih podnachal'nyh.* [Document. archive. history. modernity]. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet, 2018, no. 18, pp. 65–83 (in Russian).
20. Levi-Bryul' L. *Pervobytnyj mentalitet* [Primitive mentality]. St. Petersburg: "Evropejskij Dom" Publ., 2002, 400 p. (In Russian).
21. Nerar F.K. *Pyat' procentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR. 1928–1941* [Five percent of the truth. Exposure and denunciation in the Stalinist USSR. 1928–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2011, 398 p. (In Russian).
22. *Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830, 534 p. (In Russian).

23. *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva 1864 g.* [The Statute of Criminal Proceedings of 1864]. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina, 1907, 164 p. (In Russian).
24. *Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva 1864 g.* [The Charter of Civil Proceedings of 1864]. St. Petersburg: Yuridicheskaya tip., 1864, 33 p. (in Russian).
25. *Ustav duhovnyh konsistorij, 1841 g.* [The Charter of the Spiritual Consistory of 1841]. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1883, no. 14. pp. 3–24 back (in Russian).
26. *Ustav duhovnyh konsistorij, 1883 g.* [The Charter of the Spiritual Consistory of 1883]. St. Petersburg: Sinodal'naya tip., 1883, 200 p. (In Russian).
27. Hohlov A.A. *Delo namesnika Kazanskoj Bogorodickoj Sedmiozernoj pustyni skhiarhimandrita Gavrila (Zyryanova). Ocherk antropologii cerkovnoj morali v svete sobytij 1908 goda* [The case of the vicar of the Kazan Bogoroditskaya Sedmiozernaya Desert, Archimandrite Gabriel (Zyryanov). An essay on the anthropology of Church morality in the light of the events of 1908]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2020. 203 p. (In Russian).
28. Shchebal'skij P.K. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. St. Petersburg: V tipografii I.I. Glazunova, 1861, vol. CXXXVIII, pp. 438–450 (in Russian).

Submitted for publication: January 17, 2023.

Accepted for publication: March 27, 2023.

Published: June 29, 2023.